

Цзи Уя едва сдержал смех, увидев, как Яогуан с серьёзным видом давала ему обещание. Хотя он и не понимал, к какому выводу она пришла, но искренность, сквозившую в её словах, чувствовал отчётливо.

— Тогда я буду полагаться на защиту моей супруги, — с лёгкой улыбкой произнёс он, слегка склонив голову. Его глаза, подобные фениксу, светились мягким юмором, а уголки губ приподнялись, словно намекая на что-то большее.

Цзи Уя не стал спорить. Он прекрасно знал, что в случае опасности именно он будет защищать Яогуан, но позволить ей почувствовать себя главной в этом вопросе было приятно.

Чу Тянью, уже привыкший к тому, что его называют «супругой», больше не испытывал неловкости. Он просто пропускал это мимо ушей, не замечая, как его собственное восприятие постепенно менялось.

Вскоре карета остановилась.

— Приветствуем молодого господина и госпожу. Старший господин ждёт вас в Цветочном зале, — служанка, встретившая их у входа, поклонилась и быстро заговорила.

— Наверное, отец знал, что мы выходили, и решил устроить ужин к нашему возвращению, — с естественной улыбкой заметил Цзи Уя.

В Цветочном зале, как и ожидалось, Мо Сяюнь уже занял своё место за столом, а рядом с ним сидел Мо Синфэн.

— Чанфэн, ты пришёл.

— Приветствую отца, — Цзи Уя и Яогуан почтительно поклонились.

— Приветствую старшего брата и невестку, — Мо Синфэн встал, чтобы поприветствовать их, и только после того, как они ответили на приветствие, снова сел.

Слуги начали подавать блюда, а Мо Сяюнь с тёплой улыбкой заговорил с сыном.

— Я вижу, ты выглядишь гораздо лучше, и даже твоя культивация продвинулась. Это прекрасно. Если тебе что-то нужно для практики, обязательно скажи мне.

— Если есть вопросы, можешь обращаться ко мне. Или, если не хочешь беспокоить, спрашивай Тянью.

— Спасибо, отец, — ответил Цзи Уя, внешне оставаясь на уровне восьмого слоя ци, хотя на самом деле был готов к основанию в любой момент.

Мо Синфэн молчал, будто сцена отцовской любви и заботы не имела к нему никакого отношения. И действительно, это было так.

Цзи Уя бросил взгляд на своего младшего брата. Мо Чанфэн знал о прошлом лишь отрывки, но понимал, что Мо Сяюнь никогда не проявлял особой любви к Мо Синфэну. Хотя тот и не был обделён в бытовом плане, отцовская любовь к нему была почти незаметной.

Цзи Уя знал, что, покидая семью Мо, он должен оставить что-то в знак благодарности за их заботу. Он не любил быть в долгу, особенно когда речь шла о человеческих отношениях.

Будущее было неопределённым, и он даже подумывал о том, чтобы в подходящий момент оставить личность Мо Чанфэна и вернуться к себе настоящему. В конце концов, это было не впервые, и он не хотел оставлять за собой возможные проблемы.

Воспоминания подсказывали, что Мо Чанфэн из-за слабого здоровья редко покидал Павильон Внемлющего Журавлю, и встречи с младшим братом были редки. Кроме того, его состояние было настолько слабым, что он не мог заботиться о Мо Синфэне, и каждый раз, когда он поднимал эту тему, Мо Сяюнь отмахивался, говоря, чтобы он не беспокоился.

В семье Мо было множество правил, включая запрет на разговоры за едой. После ужина Цзи Уя, сославшись на усталость Яогуан, отправил её отдыхать, а сам остался, чтобы поговорить с Мо Сяюнем.

Мо Синфэн, увидев это, встал, готовый уйти.

— Синфэн, останься. Это касается и тебя, — Цзи Уя остановил его.

— Старший брат? — Мо Синфэн с недоумением посмотрел на него, не ожидая такого поворота.

— Садись.

— Чанфэн, что это за дело, касающееся Синфэна? — Мо Сяюнь нахмурился, подумав о чём-то неприятном.

Цзи Уя не знал, о чём думал отец, но продолжил говорить.

— Отец, я хочу вступить в даосскую школу и искать путь к бессмертию, — сказал он, наблюдая за выражением лица Мо Сяюня.

Клан, существовавший тысячи лет, презирал школы, принимавшие учеников только на основе таланта и характера, независимо от происхождения. Однако нельзя было отрицать, что за эти годы лишь немногие из кланов достигли бессмертия.

— Чанфэн, твоё положение не подходит для культивации. Если бы это было возможно, разве мы бы ждали так долго? — Мо Сяюнь слегка нахмурился.

— С тех пор как я стал спутником Дао Тянью, моё здоровье улучшилось, и моя культивация продвинулась. Разве это не доказательство? — спокойно ответил Цзи Уя, сохраняя твёрдость в голосе.

— Если ты вступишь в даосскую школу, ты больше не сможешь унаследовать положение главы семьи. Ты уверен? — Мо Сяюнь смотрел на сына, который с тех пор, как его здоровье улучшилось, стал гораздо увереннее.

— Я уверен.

— В какую школу провинции Фэнлин ты хочешь вступить? — спросил Мо Сяюнь, зная, что талант сына — Небесный духовный корень ветра — позволит ему культивировать.

Если бы эта новость распространилась, множество школ захотело бы заполучить его в ученики.

— Я ещё не решил.

— А что будет с Тянью, если ты пойдёшь в школу? — Мо Сяюнь задумался об этом.

— Мы пойдём вместе, — без колебаний ответил Цзи Уя.

Он взглянул на Мо Синфэна, который, казалось, чувствовал себя неловко, и после короткой паузы добавил:

— Отец, Синфэн — мой брат и ваш сын, и это никогда не изменится. После моего ухода всё в доме перейдёт к нему. Если есть какие-то недоразумения, пусть они останутся в прошлом. Дела родителей не должны касаться невинных детей.

Казалось, эти слова задели Мо Синфэна. Он резко поднял голову, и на его лице, обычно скрывающем эмоции, впервые появилось искреннее выражение.

— Откуда ты знаешь? Кто-то тебе сказал? — Мо Сяюнь с силой ударил по столу, гневно воскликнув.

— Нет, это мои догадки.

— Чанфэн всегда любил Синфэна и не хотел, чтобы между ним и отцом была пропасть, особенно если эта пропасть связана со мной.

Сказав это, Цзи Уя встал, понимая, что теперь нужно дать Мо Сяююню время подумать.

— Если у тебя нет дел, может, прогуляемся? — обратился он к Мо Синфэну.

Мо Синфэн инстинктивно взглянул на отца, но тот, погружённый в свои мысли, даже не смотрел в его сторону. Немного помедлив, он кивнул.

— Хорошо, старший брат, давай прогуляемся.

Дорога от Цветочного зала до Павильона Внемлющего Журавлю была не короткой. Прожив тысячи лет, Цзи Уя повидал множество людей в мире демонов, и его можно было назвать знатоком человеческих душ. Мо Синфэн, будучи ещё юнцом, не мог скрыть своих мыслей от него.

Цзи Уя понимал, что, если бы он остался в семье Мо, когда Мо Синфэн подрастёт, его мысли могли бы перерасти в действия. Мо Чанфэн, уже ушедший в мир иной, не хотел бы видеть братскую вражду. Вместо того чтобы пытаться остановить её, он предпочёл изолироваться в Павильоне Внемлющего Журавлю, думая, что его жизнь не продлится долго, и после его смерти отец наконец обратит внимание на Синфэна.

Какая слабость, подумал Цзи Уя.

— Синфэн, ты ведь ненавидишь меня, старшего брата? Все эти годы я знал, как отец относится к тебе, но ничего не сделал, — он протянул руку и ласково погладил голову юноши.

Зависть и ненависть Мо Синфэна к Мо Чанфэну были естественны. Оба были сыновьями Мо Сяююня, но отец не замечал младшего, и это вызывало недовольство.

На лице Цзи Уя появилась лёгкая тень сожаления и вины.

— Раньше я думал, что, если не доживу до совершеннолетия, после моей смерти отец обратит внимание на тебя. Прости, я не подумал о твоих чувствах.

Мо Синфэн, несмотря на свой юный возраст, обычно вёл себя как маленький лис, но перед Цзи Уя, старым лисом, ему оставалось только покориться. Слова Цзи Уя о мыслях Мо Чанфэна, полные искренности, тронули его.

— Нет... На самом деле я больше завидую тебе, старший брат, — наконец произнёс Мо Синфэн, решившись высказать свои истинные чувства.

<http://bllate.org/book/15414/1363181>